

БОРИС МИХИН

The image features a dark silhouette of a man's head in profile, facing left. The background is a deep blue space scene with the curved horizon of Earth on the left, showing a bright blue atmospheric glow. Several parallel, diagonal light streaks in shades of purple and blue cross the scene from the top left towards the center. The overall mood is contemplative and futuristic.

*ДЕЖУРНЫЙ
ПО НОЧИ*

Борис Михин

Дежурный по ночи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6599058

Дежурный по ночи: Литературная Республика; Москва; 2014

ISBN 978-5-7949-0417-8

Аннотация

Дежурный по ночи – очередной поэтический сборник современного поэта Бориса Михина, который нашёл своё уникальный «литературный голос», так же как особый стиль, запоминающуюся интонацию. Стилистика узнаваема, имеет явно выраженный отпечаток яркой индивидуальности. Его несомненное своеобразие – в сильной энергетике, многослойности и богатстве смыслов, в свежести восприятия, естественности их выражения. Обращает на себя внимание чувство юмора и ироничность автора. Поэтический мир Бориса Михина целен и многогранен, не тривиален и не похож на другие.

Содержание

Введение	8
Перекрёсток Вселенных	8
1. Рандеву	8
2. Мультиверс	9
Сухой герой	11
Мандала	13
Мне	14
Перед иконой	15
Ключок	16
Материальный идеализм	18
Медведи и утка	20
«Пацифист»	21
В камышах	22
Собачья вахта	24
Зависть к несчастным	26
Формы одного и того же	27
На приёме	28
На песочке	30
Право одиночки	32
Вопросы	34
Причины несгораемости	35
Бесконечно быстро	36
Забастовка кучеров	37

Цветовод	39
Мода	41
Такса	42
Со стороны	43
Концентрат	44
Пленник свободы	45
Вирус парадокса	47
Личность и царь	48
Валет	50
Предположения	52
Рассудительная марионетка	53
Andante	55
Признаки	56
Практически	57
Воля	59
Туманы	60
1. Узники	60
2. Анизотропные создания	60
3. Простая штука	61
Сказали	63
Странная парочка	64
Ассоциации	65
Так казалось	66
Вместо оглавления	67
Глава 1 Человек пути	67
Глава 2 Истории подсмотренные однажды	70

Глава 3 Философия – наука о себе	72
Глава 4 Утро, вечер, ночь и я	73
Глава 5 Непростая дружба с музой	75
Глава 6. О личном	77
Глава 7 Любовь – это просто	79
Глава 8 Гражданин России	80
Глава 9. Сто лиц столицы	82
Глава 10. Выкрутасы	84
Глава 11. «Заветная»	85
Глава 12. Осколки	87
Глава 13. Книга дорог	88
Не вошедшее в сборники	89
Терракотовое	89
В очереди на оптовый склад ответов	90
О мелкой болтовне	92
Атипичность	94
Бракованные	95
От удара током	97
Дальше, дальше...	99
Впервые в последний	100
Автоясли	101
Людам – богово	102
Формы света и глубины	103
Парадоксы и бабочки	104
Нога на педали	106
Казус	107

Жестянщики	109
Майна	111
«... 47 мм осадков»	113
Пограничное состояние	114
Моллюск-комбатант	116
БОГ	117
Неизвестный	119
Ключники	121
«Пробка»	122
Лунофоб	124
«Монетки»	126
Наблюдалка	127
Рифмопластырь	128
В пределах свободы	129
Эко	131
Левый берег	132
Странные утренние встречи	133
Да нет	135
Доосень	136
Антиатлант	138
На дорожку	140
«Мухи»	141
Главная бабочка	143
Парнасская лимита (гипер)	144
В скорлупе слепоты	146
На фаланге	147

Идёшь – иди	148
Студент	149
Алиби	151
Фило – доктор	152
Промахи	153
Повтор	155
Не-	157
На те же грабли	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Борис Михин

Дежурный по ночи

Введение

Перекрёсток Вселенных

1. Рандеву

В день, по-апрельски молодой,
шёл к горизонту пыльный путник,
он, как банданну, как платок,
использовал любви лоскутик.

Другой, сказав себе «пора»,
поплыл, арендовав галеру
с рабами. Кожу им порвал
ударами кнута и веры.

Ещё один Икар-летун
искал свой смысл за облаками.
Философ – мыслил.

И альту
вверял себя скрипач, камлая....

И каждый: шёл,
плыл,
вверх,
вбок,
вниз...

Бог наблюдал,
в очках тёр линзы...

Да только встретились они
на перекрёстке смыслов жизни.

2. Мультиверс

Мне открыл чей-то бог
за углом перекрёсток миров:
там поддатый Ли Бо
спорил до хрипоты с юным Кантом.
Встретив собственный клон,
я себя не узнал во Втором
(так, наверно, нуклон
не поймёт, что он тоже из квантов).

По теории струн

перекрёсток – пути в Мультиверс.
Божью высек искру,
прикурив, не спешу врезать реверс.
С двойником помолчу
вместе. Карликовый Люцифер,
не допрыгнув к плечу
за огнём, двинет пять своих версий

из различных эпох,
даже больше – различных богов.
Парень, видимо, плох,
так как на перекрёстке Вселенных
все дороги равны,
и не важно, что сложено в кофр,
а чему мы верны —
важно...
Так ли, двойник, в параллельных?

Сухой герой

В войне за жизнь по плану нынче дождь;
и небо струи, как штыки, примкнуло.
Зонты на шпажках,
звук капли,
дрожь —
коктейль по лужам разливают в закоулках.

В среде героев принято плестись
куда-то в дали при любой погоде...
Увы и ах, но как себе ни льсти,
в герои я, наверное, не годен.

В моей среде (за вторником) – смешно,
но весь сдаюсь на милости комфорта
и бесконечно пью на посошок,
лукавлю, прикрывая дверь и форточку.

В стратегии дождя – идти везде,
бои гремят тотально.
Происходит
любимый вид... в окне.
Но надо здесь
сказать: и в доме я «не годен», вроде.

Выкладываю белый свой билет

и заполняю тут же строчкой в столбик...
Их тысячи уже.
Сверх-юбилей.
И все их прожил сам, как в клетке гоблин.

Надолго (уж не навсегда ли?!) хмарь —
дремоты очевидная причина,
стучится о стекло дурной комар,
нелепый, словно ножик перочинный.

И каплями не шелестит,
не льёт,
а, некоторым образом настроив
минор, поёт уныло о своём:

что мало на земле сухих героев,
что нет альтернативы им, идут
герои в дождь, прикрыв не чуб, а ножны.

И я кажусь себе таким...
Но тут
быть и казаться — не одно и то же.

Мандала

Ищем совершенство.

Только где?

Каждый кропотливо строит мандалу
из песка. Нелепый новодел
позже сдует время-лиходей
или прочие сметут тарантулы,
повода дождавшиеся, ведь
у людей есть право на людей.

Созданное – точно истребят.

Совершенна лишь... непредсказуемость
(что не повод – на колени бряк,
бесполезности хвалу трубя).

Буду сыпать, сыпать стружкой узенькой
мандалу.

В конце добавлю вязь:

«У людей нет права на себя».

Мне

Мне частенько хотелось побыть кем-то очень другим... там смеются вовсю под ногами дорожные камни, там и краски, как в калейдоскопе, чудесны – моргни, там всегда где-то с краю, но вовсе при этом не крайним.

Мне всегда не хотелось быть винтиком чьих-то машин, разве что, попадающим в них для серьёзной поломки. Удивительно, но быть свободным – возможно в глуши, а в толпе – нереально (как парочке после помолвки).

Мне досталось своё. По ошибкам, а не по труду. Кто считает иначе, наивен, ведь труд – просто способ выживать, убеждая себя «надо». Звук «Ту-ру-ду!» у трубы я бы сделал серебряным, спать будем после.

Мне не важно – когда. А зачем – это знает любой (ведь свобода – внутри, а снаружи – нелепая штука в виде необходимости, – жутко ничейная штука...). Мне хотелось... но вскрыть двери с надписью «EXIT» слабо.

Перед иконой

Улыбка Бога навсегда кисла.

И не завидуйте ему.

Ещё бы!

Каким бы ни был он могучим, добрым, —
возможно ли создать добро без зла?

У палки два конца. Кому ни дай,
одним копнув, другим убьёт, простите.

Спасает только то, что есть Спаситель.

Но кто спасёт Его?

Мы?

Никогда.

Не потому ли с нами Он молчит,
не применяя никогда ни слов, ни силу...
и мучается от бессилия.

Стерильно

Его могущество.

Бог?

Получи!..

Клочок

Сквозняк в приоткрытую дверь
щекотит клочок на притворе,
и он шелестит, как притвора,
но сам рвётся вверх.

Подглядывать в яркую щель
забавно и капельку страшно
(как в детстве, мечтая быть старше).
Тропинка в плюще

там вьётся в загадочный мир,
где тоже есть путь вверх, и тоже
он кем-нибудь не подытожен...
Но рукуними

с дверной ручки. Детство уже —
не повод подсматривать. Значит
у щели иная задача.

Клочок в вираже
взлетел и куда-то исчез...

Хлопок сзади был очень громким,
и мир впереди стал огромным...
зачем?

Материальный идеализм

Когда есть шанс побыть лунатиком,
устав от остальных проблем,
рождаются на свет романтики,
у тайны отбирая хлеб.

Они, как выстрел из травматики,
опасны в уличном бою
горящим взглядом, симптоматикой
походов к птице Гамаюн.

Возможность – вот и вся их тактика,
а майский ливень – суть побед,
их много даже в математике
хотя не в ней тут дело, нет...

Но стоит бросить их, и нате-ка, —
на что похож воздушный шар
без воздуха?
Заплаток свастика
в душе.
И больше ни шиша.

Расплатой – будни.
Серой мантией
торговка-жизнь пригнёт плечо.

Куда деваются романтики
когда узнают, что почём?

Медведи и утка

Из меня хреновый проповедник,
непонятный, сложный и туманный,
так как не читал я Аюрведы,
да и не торчу от Харе Рамы.

Что поделать: жизнь гораздо проще
в смысле поиска обоснований.

Утка, на воде оставив росчерк,
написала всё, что будет с нами:
это – и движение, и точка,
и бесследность вечного покоя....
(Стоит покормить её за очень
точный стих про «жизнь, что ты такое»).

Набережная ещё пустынна,
слушателей – каменных медведей,
понимая, веселю, настырный,
тихий неумеха-проповедник.

«Пацифист»

Я пацифист, но гуттаперчив,
а прочие идут садами:
кто не летит врагам навстречу,
того они находят сами.

Кто, пусть сквозь страх, но наступает,
и есть храбрец.
Да. Трус умнее:
жить – стайер,
хата не пустая...
Но может я так не сумею?

В камышах

Запахло вздохнувшей землёй,
весной характерно запахло,
и трактором в выхлопе пахот,
вкус дней изумрудно зелён.

Вздохну позабыто по-майски —
как душу в любви постирал!
Приходит на ум Пастернак,
Басё – всё для снятия маски.

На дне призадумался язь:
пора ли всплывать, не пора ли...
Возьмём по сто грамм пасторали —
наладить с природами связь,
и выпьем, рыбалочьи чинно.
Вернёмся?
Да Бог на то ить...
Мужчины должны уходить,
иначе они не мужчины.

Они же должны... просто так.
Без смысла, без правды, без шансов.
Положено им возвращаться.
Всё сложно.
Тик-так май, тик-так...

Собачья вахта

Все корабли, по сути, одинаковы,
как семена кленовые на лужицах
по осени, как профильные навыки.

Ночь.

В воздухе витает запах мужества.

Когда приклеены вверху созвездия
и чем-то там небесным сильно заняты,
«железо» в море выглядит естественно,
как грешник у креста оружий «сами-то!».

Но моряки – святые, а не грешники,
и так же в беспредельности подвешены
на коже волн, катящихся шеренгами,
да только вечной жизни не подвержены.

На что им вечность?

Были б между вахтами
чай, сладкий сон и посмеяться поводы,
на юте покурить под небом бархатным
да вспомнить, что под ним же ходят по воду...

Чего-чего, а здесь воды достаточно,

здесь ходят по воде и – до землицы бы.
Все корабли похожи и загадочны
когда над морем звёздная милиция.

Зависть к несчастным

Спрятались голуби где-то под крышей,
громко курлыкают в воздуховоде,
пафосно (как на войне князь Нарышкин),
глупо (как часто у нищих выходит).

Серых летучих соседей немного
жалко... за что-то.
Да им невдомёк ведь,
что есть на свете луна,
книги,
мокко,
их сочетания.

Им бы всё мокнуть
на сквозняке, слушать пьяные крики,
в дым табака и еды погружаясь.
Вы их считать за несчастных привыкли...

Гляньте – летят!
Ну и где ваша жалость?

Формы одного и того же

Смеркалось, разгорались фонари,
любовь пропала, как на фронте, без вести,
но ведь придёт (хотите на пари?).
Случайность – просто форма неизбежности,

и мы нос к носу встретимся, когда
нам ничего другого не останется...

Ну а пока приходится гадать,
не раньше ли любовь состарится,

и будет нам с тобою всё равно:
что тусклость фонарей, что лучезарность
от встречи...

Ночь.

Бормочет вера в нос:

«непредсказуемость – беда случайности».

На приёме

Господин Айболит
(хорошо, что пока не прозектор),
удалите полип
на душе, вот вам ток из розетки,

вот душа, дайте спирт
(обезболивающих нет лучше)
и отрежьте мне пирс,
где я был молодым.
Вянут души,

если не вырезать
память.
Если бы, братья славяне,
в нас осталась гроза
и в ней юность, то точно б завяли.

Ну а так – есть ведь «врач»,
пусть и странный, но нас, как клиентов,
беспокоит «вчера»,
и плевать на какой он латентно.

Господин коновал,
только будьте, пожалуйста, точным:
там морская волна —

не заденьте, прошу очень-очень.

На песочке

Посмотри, какие облака (!):
как любовь, как перья страусиные.
Ткань реальности из парусины, и
вздулась, не поддавшись слабакам.
Кажется – вот-вот, ведь паутиная.
Вот и рвусь вверх.
Смотрят свысока...
Что им, облакам?
Ведь в их полках
служат души... как-то по-утиному
(уткой – пуле из березняка).

Лупят, как по нечисти осинами,
жизнью по моей душе всеильные.
Не промажут – на спине плакат.

Знаешь, я, наверное, резиновый —
мир вмещаю весь.
Пусть не легка
ноша, но иначе ведь никак...
Облака во мне, что поразительно,
те же.
Там, валяясь на песках,
тоже не достигну их.
Спроси, но я

не отвечу, как невыносимое
носим...

Но, похоже, суть близка.

Право одиночки

Если время – река, то скажите, как в ней утонуть?
Может кто-то прошёл редкий путь – удержаться на месте?

Но хотя.... пусть стремнина меня тащит, как ноутбук цифру.

Встречу я всё, что не встретит труп в омуте тесном.

Если время – река, значит должен быть и океан,
вот куда бы доплыть...

Подскажите мне способ и средство.

Пусть судьба дурака-одиночки всегда нелегка,
но зато он живёт в каждой капле... да и в каждом сердце.

Если время – река, значит должен быть где-то исток,
значит, есть ходоки к нему. Вам попадались – навстречу?
Интересно, а кто же они...

Ветер гонит листок

и навстречу реке.

Где взять парус?

Мне с ним будет легче

разобраться с течением, как с верхней нотой – бекар
(для неё отменил он причинную следственность правил)

...

Частный случай винила – жизнь-музыка – требует право

на повторный ход.

Но есть ли он, если время – река?..

Вопросы

У меня есть жизнь и куст шиповника

у подъезда утром распустившийся.

У тебя – долги, обманы, подкупы...

Интересно, что из списков лишнее?

У меня есть город, небо, Женщина.

У тебя – забор, понты, любовницы...

Иногда хорошая затрещина

от судьбы

сны превратит в бессонницу,

и, запутавшись в делах остаточных,

кто вторым поймёт всего бессмысленность?

Первым кто возьмёт с собой достаточно?

Чем второму в ад дорогу выстолбить?

Причины несгораемости

Юридически личной природы
договор с жизнью был парафирован,
Я его, как всегда, зафиксировал
на салфетке в кофейных разводах.

Получившаяся с кровью рукопись
(из числа не горящих) в тарелке
между черри, оливкой и рукколой,
тем не менее, лихо сгорела.

Улыбаясь, коробку со спичками
я крутил между пальцев, а пепел
некрасиво чернел.
Нервы взвинчено
что-то про невозможность мне пели.

Эпизод так себе.
Обвалованный
небоскрёбами парк был таинствен.
Мир в своём бесконечном единстве
не заметил, что был обворован.

Бесконечно быстро

Ты помнишь (?), – обо всём мы забывали,
когда на детстве поспедали вишни,
молчали ночью громко в «третий лишний»...
и будущего было мало.

Я понял: как ни кружится дорога,
на западе всегда стареет алым.
По мере приближения к финалу
зачем-то будущего стало много.

Мы знаем: помнить и понять – полдела.
Быть нужным, часть себя другим оставить...
достаточно?
Бог весть.
Мы не устали,
но будущее быстро пролетело.

Забастовка кучеров

Очень трудно собрать волю в кучу
и что-то писать,
не везёт если. Что там за кучер?
Ужели Иса?!

Неужели Ему дело есть до
моих мелких дел?
Мне бы самостоятельно ездить.
Да только вот где...

А с другой стороны, может это
свобода – молчать?
И, руки не имея железной,
растратить колчан
мимо всех из возможных... не целей,
хотя бы ворон,
и лежать в поле дивной люцерны
дням наоборот,
поперёк временного потока,
напротив небес,
бессловесным, без проку, без толку
себя даже без.

Остановка.
Для локомотива

молитвы кромсать,
как дрова. Но Тебе не противно,
Иса?

Цветовод

Обычно я – неважный цветовод.
Салат пошинковать... а тут – не очень.
Откуда бы вдруг это существо (?) —
на подоконнике пылилась ночь.

Не поливал ни разу, но она
цвела мне бестолково, ежедневно,
луной и фонарями в цвет оранж,
а я рвал звёзды, рифмой обеднев.

В окне битком набитом пустотой
что было ждать, когда в груди она же
давила душу тяжестью в сто тонн
непризнанности, лже-друзей.

Тоннаж
невыносимо жуткий в темноте.
Но дальний свет напротив – как издёвка,
и ненавистную благословляя тень,
всё так же крал, гася руками, звёзды.

Десятилетия спустя привык,
стал поливать бессонницей источник
рассветов, и кашповый мой ковыль
стал лучшим другом. Под стихи и «скотч».

Мода

Утомительная будней карусель...
Мода гладить маленьких собак...
очевидно, это мода на друзей,
но кому-то вечно – не судьба.

А просить бессмысленно. И мы,
чередую средами вино,
покупаем псов: они немы...
Но кому-то ведь не всё равно.

«Может быть» – вот главное из всех
оснований жить.

В карманах брюк
тот кто носит с «Pedigree» кисет,
для какой-то псины – лучший друг,

но присев к собаке, убедись,
что она – единственная из.

«Может быть»... ты загляделся вниз?
А когда-то надо бы и – ввысь.

Такса

Концовка всё ближе и ближе,
но не прекращаю метаться,
как на поводке утром такса, —
ведь я так и не был в Париже,
и не довелось камнем цокать
алтаев, нью-йорков...

Однако,
надеюсь, что звук одинаков.

А вот результаты концовки...

Со стороны

Мне нравится в колобродении толпы
предусмотрительно расположиться
там, где толпа на личности крошится,
и услаждать исследовательский свой пыл.

Всё очень просто: наблюдая за людьми,
зачем анализировать причины
различий? Ведь важнее их наличием
нет ничего.

Так мать любит детей.

Концентрат

И, кстати сказать, концентрация снов на квадрат бессонниц обратно пропорциональна количеству лет. Время одноканально, и реверса не допускает. Кто ж этому рад...

Когда концентрация сна понижается до сверхминимума за последние страхи, то мысли хрустят, как банальный арахис, в процессе бесцельных гуляний в аллеях садов.

И нет ничего удивительного в пустоте мне, напоминающему нечто вроде её части. Часть – не на целое ордер. И в случае у пустоты – это души без тел.

А тело, пожалуй, уже не покинет матрац (не из-за – скорей вопреки ожиданиям смерти).

Кто курицу-Землю под Солнце поставил на вертел? Гриль неравномерен, и холоден душ концентрат.

Пленник свободы

*«Пока человек не приобрёл
способности мыслить
оригинально, то есть
самостоятельно, не имеет смысла
требовать, чтобы никто не
мешал выражению его мыслей».*

Э. Фромм

В пустой башке, как осенью в скворечнике,
не важно, что там раньше в ней наверхено
(неважность – жуткий признак пустоты).
Теперь привычно
бормочу чужое,
сквозняк унёс «своё». И смысл в боржоми,
когда в углах пылища,
дом остыл.

Я не актёр, но кто-то мне суфлёрствует
напористо.
Ему что... сердце чёрствое.
И чтобы промолчать, одену плащ
да – в мокрый город, в грохот улиц, в люди.
Что будет – точно было. Но вот будет?
Такая у причин и следствий блажь.

Всё хорошо (пустому всё – хорошее).
Дивлюсь красавице, торгующей мороженым:
кому сейчас оно?
Возьму одно
для поддержания баланса смысла...
и выкину. Аллея с миной кислой
идёт на дно.

Сэр Дождь потворствует тому напористо.
Какой-то вечер нынче не истористый
на сказки.
Тоже, видимо, в скворцах
сбежавших дело. У причин ход вязкий,
зато конец захлопнет двери с лязгом,
и остаётся «не своё» «нести» в сердцах.

Пытаюсь не махать чужими флагами
(попытка – это, вероятно, главное),
но результаты не зависят от
ни ветра, ни меня, ни направлений.
Домой. Свобода – это тот же пленник
пустот.

Вирус парадокса

Гриппозно сморкаясь в тучи,
солнце зимой заболело.
Процесс невозможно вдумчив,
Дырку б меж рёбер заделать:

туда попадает осень.
Не заразиться чтобы,
«бы внутрь вина», в шарф – носик...
но позабыл где-то штопор.

Выкручиваться придётся
как-то иначе. Фиаско.
Суббота, сентябрь, тучи-клёцки,
и на груди нет повязки.

А завтра был дождь. Наверно
будущее не наступит.
Года – это времени ревность
и предсказуемость судеб.

Промозгло, стихово, хрипло.
Традиционно ранен
сиренево-древним гриппом,
выживу, сдохнув заранее.

Личность и царь

Водяная, мировая
осень. От дождя
на асфальте заживают
оспинки, зудя.

Кожа луж морщит под ветром.
Личность под зонтом
думает, что дождь бессмертен,
а вся жизнь – потом.

Каблуками, каблуками
с пятки на носок...
Космос – поле, звёзды – камни...
Дождь царит, косой.

И задумчивая личность
вовсе не спешит
жить (спешить ведь неприлично),
кончиком души —
кончиком зонта щекотит
бороду царю.

Царь щекотку любит точно.
Шепот: «Не горюй», —
колошматит повсеместно,

слышно хорошо.

Хорошо!..

Но если честно,

лучше б царь ушёл.

Валет

Словно карты,
раздал
Бог вопросы на всё.

Я, конечно, звезда,
но в отсутствие звёзд,
и на этом почил,
как субтропик в Крыму,
и не должен почти
ничего никому.

В рукаве есть свой туз,
не козырный, но всё ж.
Бить им не тороплюсь
(а порой невтерпёж).

Усмотреть боковым
финт судьбы как сквозь тьму?
Игры с Богом, увы, —
бесполезная муть.

Взявши прикуп, зачем
жду в нём некий ответ?
Он, конечно, исчез
(если был).

В шельмовстве
Оппонента винить
глупо.

Переверну...
Там вопрос аж звенит,
и назад не вернуть.

Вот и мучайся с ним.

Жить игрой – не игра.
Путь звезды – только вниз,
и куда-то за край.

Характерно, что нет
победителей. За
ноябрём бульденеж,
за любовью – слеза...

за ответом – вопрос.
И живём, пока есть
хоть один. Лучше – россыпь.
И в каждом – подтекст.

Предположения

Предположим:

в метро переход

освещён жёлтым. Холодно, пусто...

И допустим, что грустно, и – шустро —
ликантроп-злость на шее верхом.

Обусловим всё это зимой,

нерастаченностями желаний

и сентенцией «не повезло»:

так быть может пора блажь горланить,

мол, достало, мол, сам виноват,

минус двадцать – есть повод к концовке?..

Предположим, ты – там.

Где ж виват

твой теперь? Бомж в чумазой спецовке

(или – Бог?) подметает бетон,

сквозняки скучно хлопают в кафель

оптимизмом, как грязью...

Не то

сам себе намечтал ты потрафить?

Рассудительная марионетка

Мной двигают лифт,
мной паркуют машину,
и ходят на флирт
тоже мною.

Паршиво,
когда не понять,
кто топ-менеджер тела.
Оно – западня...

Кем-то солнце желтело.

Тобой повезло
мне за что-то, и рядом
ведёт нас без слов
нечто большее взглядов,
и – нами молчит,
и – целуется нами...

Реестр причин —
не реестр цунами:
он нуден и толст,
и с реестром последствий
не сверен.
Мой тост

мною гордится, естественно,
и муза моя
мною пишет зачем-то...
Кто – «я»(?): мезальянс
Эгоизма и Тщетно.

Andante

Стараться повсюду успеть...
Ну что ж, это тоже ведь – шанс.
Ночь.
Арочный мост.
Парапет.
Мне надо бы – не спеша.

Река, как ленивый удав,
обманом пустой глубины
нас гипнотизирует.
Прав,
выходит, тот, кто ленив?

Пожалуй.
Поток торопыг
на этом мосту не иссяк,
решающих методом «прыг»
всё. Этих не воскресят.

Но тот, кто остался, зато
успеть будет должен за всех...
Мелькнет сигарета, просев
параболой золотой.

Признаки

Как только ты счёл, что тобою написанное
значительно и будет нужно кому-то, —
кранты: ты покрылся отныне и присно...
не бронзой,

а сквозь неё плохо реальность просматривается,
где люди – как призраки.

Славу в конверте
легко конвертировать в долларов матрицу,
но признанность здесь не при чём.

Слава – ветер.

Не нужен ты ей, но тебе – она, тёпленькая,
как койка бойцу после чая и вахты...

Собрать бы все бюсты в баул с недотёпами
и Воланду сдать, перемотанных ватой!

Он с ними обычно неплохо справляется,
когда есть желание (вот уж кто признан...).

В лучах славы души до дурости вялятся,
потрогай свою, – не похожий ли признак?

Практически

Практически не известен,
карман для иллюзий дыряв,
я верю во всё на свете,
не веря во всё подряд.

Практически победитель
второстепенных войн,
бываю весьма убедителен,
как тираннозавр – в меловой.

Практически ноль в оккультных
науках, в других зато
ещё меньше.
Mea culpa...
грехов дождь.
Молитва – зонтом.

Практически полностью вымок
(одно название – зонт),
с пустым карманом – на рынок
пустых человеков.
Он прост:

практически все продаются
(иллюзии и не нужны)

за правду и ложь (по унции)
в словах, был бы нервный нажим.

Воля

Во всей земле от вас и до меня
и метра не найдется без препятствий,
но разве это повод изменять?
«Тик-так, тик-так» ответило с запястья...

Во всех веках от нынче до потом
не будет и секунды чем-то лишней,
любая – повод крикнуть «хоть потоп...»
и тратить жизнь по принципу наличных.

Во всех богах от настоящих до
придуманных нам важен кнут и пряник...
В лопатках, чувствующих холодок,
суть крыльев.
Но летать дано – «по пьяни».

Во всей душе от совести до зла
не встретишь непреодолимо-строгих
границ.
Дослать патрон в патронник —
ещё не выстрелить.
Но надо ли – дослать?

Туманы

1. Узники

Сегодня было грустно и туман,
до метров расстояния смывающий,
а заодно и «завтра» все играючи.
А в будущем теперь всегда зима.

А в прошлом заунывно плачет «мы»,
подсматривая на меня старательно,
но выступая в образе карателя,
я соглашаюсь с правилом зимы

и не прощаю (не святой Симон)
себя тебе. Беру туман в союзники.
Мы сами у себя обычно узники,
но понимаем это лишь в туман зимой.

2. Анизотропные создания

Туман подозревал, что нелюдим.
И хоть к нему всегда тянулись люди,

их общество он ненавидел люто,
был чересчур загадочен, причудлив... —
один.

Но осуждать его дано не нам,
уж мы-то точно с ним похожи. Те же:
неясность направлений, мягкий стержень,
надежды, что надёжны лишь надежды...
Сплошной туман.

Туман в тумане – вот уж мощный сюр!
Знакомьтесь – я.
А встречные мутанты —
есть порождения сердитого тумана,
и все анизотропно негуманны
вовсю.

3. Простая штука

Туман поломал мой хронограф.
Не знаю теперь: кто я, где я.
Туман – неплохая идея.
Живые дома, будто огры,

вслед взглядами сопровождают
меня по асфальтной равнине.
И рядом дождь в ветхой рванине.

И я не живу – ожидаю,

бессмысленней новорождённых,
являясь от общего частью
(как женские взгляды на счастье
от счастья). Как желудем в дёрне,

не думаю – произрастаю
тягучими звуками мантры
шагов в безвременье тумана...
Забвение – штука простая.

Сказали

А кто сказал вам, что ночь – глухая?
Она всё слышит,
и может даже
поэтому и затихает —
послушать Кришну.
В многоэтажках

гуляет дрёма, как будто вирус, —
спасает души.
Самоубийцы
кричат «умрём», но не удавились:
апрель на ужин,
любовь на лица.

Юпитер в небо.
Крик электричек
похож на эхо
в пещерных залах.
Цвет глаз эбенов у ночи. Чиркнет
она, наехав:
«так кто сказал вам?».

Странная парочка

Передвигаясь болезнью по хорде
долгой недели, дня три, да срезая,
слышу дурацкую фразочку: «Зая,
всё, что не лечится, просто проходит».

Некая странная леди вульгарно
шепчет бредовое: «Температура,
как невоспитанная шлюха-дура,
высосав силы, уйдёт с перегаром».

День облакастый, шумливый, как пудель,
гавкает в окна машинной движухой.
Мне от слов леди всё хуже и хуже:
«Времени, видимо, больше не будет».

Что же тогда? Ведь оно, вроде, лечит?
Переболев, понимаю, что вряд ли...
Просто с болезнью оно (но не леди)
выпало. Видно, карман продырявлен
был у того, кто заведует жизнью,
что ему – день? Бесполезная мелочь.
Вон он, идёт впереди в драных джинсах,
леди под ручку с ним, что-то там «лечит».

Ассоциации

Кто в мае тосковал по октябрю,
тот безусловно что-то понимает
в мгновении и октября и мая
(как кутюрье в нелепых стилях брюк).

И там и там не хочется не жить,
себя осознавая обострённо
в «здесь и сейчас», жаргонным словом «стрёмно»
скрывая страх...

Страх – наши платежи
за право находиться на земле...
да, в общем, где угодно находиться,
и наблюдать закат, и рваться к птицам.

Май – это шанс не помнить нам о зле,
но вспомнить вдруг октябрь за краски и...
и по ассоциации – за яркость.
Нам всем присуще постоянно якать,
но не когда забылись от тоски.

Так казалось

Обожаю мир любить ликующе,
наблюдая в каждом из явлений:

– древнее,

– себя

– и будущее.

Чувство тонкое – благоговение.

Нереальность – лучшее в реальности,

как Добро на площади вокзала.

В сумерках ли, в пасторальности ли,

но ничтожно мал я.

Так казалось.

Вместо оглавления

Глава 1 Человек пути

Близнецы

Под суровый запил
мегажесткого фуза
всё, что выдалось грустным,
я бы водкой запил,
только редко когда
череда обстоятельств
к нам бывает лояльной.

Не вступая в контакт
с очевидностью, газ
сам стремится – до пола.
Джип аккордами полон,
фуз – педаль.
И нога
самостийно, аж жуть,
ей играет.
Проспектом
мчится некто, а в некто
я, пожалуй, гожусь.

Города – алтари.
Жертву уничтожали
Роком или кинжалом.
Скорость, как Альтаир:
не достигнуть предел.
Отчего же у грусти
достижим он?
Допустим,
«Кто-то-там» порадел?

Фонарей серебро
развивает идею,
что везде и нигде я,
хватит множить добро.

Не достичь всё равно
идеала.
Оккама
сократил путь от кармы
до еды для ворон.

И бездумно гоню,
сокращая бездумно
путь до «...gloria mundi».
Чересчур много Нью
для души – у других
вызывает насмешку.
Закрываюсь поспешно,
будто крест на груди.

«Рок» и «рок» – близнецы.

И я верую в это,
как огонь верит ветру,
как кинжалу – рубцы.

Глава 2 Истории подсмотренные однажды

Манна

На Обводном у полыньи
собрались на зимовку утки
и я в осенней тонкой куртке.
Кормлю, зимую сам.
Ленив.

А небо давит Рождеством,
до неприличия не личным.
Тут по соседству бабка блинчик
пыталась всунуть мне.
Черство,
однако, тесто, как душа
моя, остывшая под ветром
неверия.
Хлеб – уткам, двери,
наверно, – мне.
Бог, руку дашь?

Внизу толпа голодных ртов...
и крошится, как время, мякиш,
но если сразу булку шмякнута —
утонет.

Я в стране крестов
похож на рот.

Народ
вокруг

просительно вверх тянет клювы,
соседа же смиренно клюнут
за крошку.

«Братья по перу»

раскрякались... Любовь прошла,
смеясь. Звук переулков гулкий...

И я свою «прокрякал» булку,
спасибо, Бог!

Стряхнув обшлаг,
пойду обратно.

У метро

людские зимовали стаи

и истина на всех простая:

«Не жди богов с открытым ртом».

Глава 3 Философия – наука о себе

Матрёшка

Падал снег, обычный и косой
на людей под хлябями, над грязями...
Сверху мы похожи на песок:
мелкие, друг с другом плохо связаны,
и не вписываемся в любовь
к ближнему.
Но при увеличении
целым миром кажется любой...
То ли Бог создал людей – ничейными?

И – в нас – тоже часто мокрый снег,
и гоняет ветер мысли мелкие...
Если увеличить, то на дне
есть очередной снег с человеками.

Вот что удивительно, – на нас
тоже смотрят в лупу.
Но мне кажется,
только для того, чтоб осознать,
что – такие же...
Хлябь, грязь, снег, кашлица.

Глава 4 Утро, вечер, ночь и я

Констатация

Всё.

Эмоционально пуст.

Осталась горечь – это пусть,
должно ведь что-нибудь остаться.

Зависла стрелка между трёх
и... кто в ночи тут разберёт,
сколько.

Покинут.

Может в дартсе —

игре великих – должно так:
кидают мной. Цена – пятак
за кучку на меня подобных
(использованное зачем
копить?). Поэтому исчез
игрок мной.

Разум мой подтоплен

непониманием. Могу
напиться, ведь вопрос могуч,
и надо бы покинуть разум
для совершенствования
души. Но способ пития —

навряд ли в помощь (вот зараза!).

Здесь рефлексией не возьмёшь,
ведь враг внутри. Шипаст, как ёрш,
а мы всегда себя жалеем
при извлечении ершей.
Вот и пишу, как на «Порше»
снимает стресс ездов блаженный.

О чём история?

Да всё
всегда о вечном: то да сё —
но моё место в мире где же?
Как искалеченный лимон,
пуст – выпил Бог. И вряд ли он
был вежлив.

Глава 5 Непростая дружба с музой

Бессловесица

Цепочка фонарей, как выстрел трассерами,
разгонной полосой для Lamborghini
и прочих, подрасстрельных берегине —
богине пешеходов, монстров транспорта...

На этой бы цепочке, да повеситься бы.
В декабрьскую тупую беспробудность
болтаться бы подзвёздно и поддубно
за кризис безстиховой бессловесицы
напоминанием другим.

Ведь палочная
система – лучшее для идиотов,
решивших, что слова – светодиоды:
знай, впаивай в гирлянды.

Только лампочками
сверкают далеко не все.
Оказывается,
им нужен ток... сиречь – талант.
Я понял.
Отчаянно молчу.
А из Японии —

мразь газовая (солнцу не приказывают).

«Заткнись, и – можешь – не пиши», – советовали.
Как в сейф, сую свои стишки в декабрь, но
смешки из-за спины: «Абракадабра!»...
а храбрость бесталаннных не исследована.

Глава 6. О личном

О не фартовом катале

Пасьянсик раскидаю, что там сбудется (?),
ведь по привычке много загадал
(когда приходит май, как благодать,
то много хочется).

Мастей распутица
расклады мне тасует несерьёзные,
но не сержусь на карточных жадюг.
Уметь быть так же счастливым дождю,
как это происходит с нами вёснами,
но постоянно, это ли не главное?..

Однако не выходит никогда.
Вот и приходится «косынкою» гадать.
Напрасный труд.
И атакую флангами —
иду смотреть, как с мокрыми платанами
играют на закатах соловьи,
как девушки по лужам водевиль
дают, теряя самообладание...

И всё равно уже, что там начертано
(да и скорей всего-то – ни черта).

Читал про жизнь: её не прочитать,
как в картах ход, – игра всегда нечестная.

Приняв катализатор, грамм четырёста,
проникну к мирозданию в чулан
и загадаю счастья.

Ночь, Луна.

И передёрну карту, – мы настырные.

Глава 7 Любовь – это просто

Щёлк

Бежать, хватать, как доберман,
с пустым щелчком,
мучительно...

Любая женщина – обман,
красивая – значительный.

Но запах...Запах! Но – инстинкт!

И с наслаждением истинным
сжимаем челюсти-тиски,
а между – воздух.

Мистика.

И следующая, и сле...
как солнечные зайчики
бегут, не оставляя след,
но – шрам
(так кто – кусачие?;)).

Пасть без зубов у кобелей —
не мудрость и не стадия,
а просто, шерстью побелев,
нет сил... но есть симпатии.

Глава 8 Гражданин России

Важное и не важное

В опытном конструкторском бюро
дрянь очередную разрабатывали
(нет бы им на брудершафт пить бром),
осень, словно шкура леопардовая,

скрыла мир, очередной маньяк
в близлежащем парке околачивался,
в целях «нераспространения»
власть сносила городки палаточные:

ход событий удовлетворял
выражению, определяющему
их, как «всё нормально».

В главарях,
говорят, не все сейчас желающие,

исключительно поэтому
чернь стремится к власти, та —
«божественная» —
норовит надеть толпе хомут
в виде вер, вины, вина и шествий.

Сильный образ «в банке пауки»

выглядит привычно, как обыденное...

Дальше что?

Да наплевать!

Прикинь,

в нити серебра свет лунный вытянут!..

Глава 9. Сто лиц столицы

Сама

По первым мая – хо-ро-шо!
Как выпавшемуся младенцу.
Гулять бы, но куда же деться
от папы-мая и горшков?

И старо-новые одежды
напялив, прём на шашлыки
(как будто парки – кишлаки)
мы.
Вроде те же, и не те же.

Подростков стайки с матерком
пытаются взрослеть от взглядов
девчонок.
За каким-то лядом
дед взял на дачу мастеров...

Нехватка света отболела,
зато теперь, как рецидив,
беспрецедентно впереди
расклеивает почки лето.

Как будто никогда не ел,

глотаю рифмы – слов источник,
брожу, описывая точки
триангулированные.

Всё ярко, вкусно – нелогично.

Мы чересчур зависим от:
возможности пожрать с дымком,
и чтобы – секс.
И чтобы – Кинчев.

Отсюда – «хо-ро-шо».
А май —
момент возможности для тела
усталого жить оголтело!
Ну а душа?
Всегда сама...

01.05.13

Глава 10. Выкрутасы

Не зря

Старый скряга смешон,
как лонгшез в холода,
как купальник в декабрьской жиже...

Если вам хорошо —
так не будет всегда,
и поэтому стоит спешить жить.

Стоит лезть на рожон,
быть с собой не в ладах...
По количеству боли и шишек

можно выяснить, что
век твой не захудал,
что не зря на земле ты. И дышишь.

Глава 11. «Заветная»

Непрерывное

Кран, как травинка, синь щекочет башенно,
красотки перманент завили феном,
сигналят (чай, не Морзе!): «Наше вам»...

Смотреть, как дышит город, – офигенно.

Дома напоминают кашу пшённую,
просыпанную птицам не случайно,
мол, знайте: всё всегда – незавершённое,
как стройка.

В небе стринги чайки.

Даст Бог, незавершённое упрочится
до стадии «пора сносить заборы».
События живут, когда им хочется,
а мы – всегда (им можно быть и борзыми).

Мной наблюдается происходящее
бездумно. Резюмирую, однако
последствия: всё, в целом, подходяще
для понимания – «нет, я не Данко».

Пусть непрерывность завораживает,

но вовсе не при чём – огонь и волны
(приходит эпилепсия не спрашивая):
уходим мы, придут другие.

Полно

расстраиваться попусту. Банальная
история. Как будто у экрана,
смотрю на: тучи – солнцу платье бальное
и непрерывное качанье крана.

Глава 12. Осколки

«Итого»

Отчёркиваю нынче «итога»,
и кажется итог не шуточным...
но позже станет промежуточным
и вырезан совсем, как гугенот.

В материальном мире результат
всегда неполноценным кажется.

Отчёркиваю.

Ручка мажется...

Что? Цифре бесконечно возрастать?!

Глава 13. Книга дорог

Том 2

Плавность

Вдоль поезда охра и золото – маршем,
орлы и озёра парят.
Не знаю, видал ли я что-нибудь краше
России в конце сентября.

И раз довелось здесь родиться и ехать
полями, в лесной разноцвет,
то может быть это и есть счастье с верхом?
И... где же мой чай, наконец?!

Есть свойство у поезда – плавность. И в основном
я с ним соглашусь. Всё равно
каким бы ты ни был насквозь православным,
в дороге лишь – чай и минор.

Не вошедшее в сборники

Терракотовое

Наверное, даром предвидения
я не обладал бы и даром:
жизнь – штука вполне удивительная,
но если в ней (элементарно)

есть тайна. Кружат терракотовые
снежинки в оранжевом свете
над познанными территориями
непознанной штукой.
И – ветер.

12.12.12

В очереди на оптовый склад ответов

С утра у метро прикупаю таблеток —
и необходимость и жизнь и привычка,
и, туго винтом в повседневность завинчен,
их тут же приму, словно пайку – зверь в клетке,

иначе не выжить (речь не о свободе,
однако во всём есть её элементы).

Зачем это мне?

Промолчит оппонент мой,
он только плечом от вопросов поводит.

Вопросы он любит.

И знает ответы.

Но подозреваю, что сам их не скажет.

Ответ – это как ароматы от саджа:
и вкусно, но пусто... как в поле от ветра.

Но спрашивать надо, причём непременно.

До остервенения, до хрипоты. И...

и толпы идут, словно орды Батыея,
бесмысленно, скученно, нервно и мерно.

В листке на латыни написано что-то,
касающееся моей перспективы,
но будущее знать, наверно, противно.

Выбрасываю.

Даже в верхних широтах
другого подхода нет, не существует.

Надеюсь, что может ответы однажды
найдутся во мне сразу все.

Может даже

и мой оппонент будет там, торжествуя.

О мелкой болтовне

Немного утомившись от молчания,
преследующего пустую болтовню
о ценах, «отношениях», встречаю я
с восторгом тишину.

Себя виню
за то, что... вот позволил в главном пропуски
(под этим подразумевается сиречь:
смотреть и видеть, оформлять всё в опусы
ведь кто-то должен).

Тишину стеречь
назначена спецслужба безопасности,
дающая добро на субаренду муз,
а Повседневность этой службе пакостит,
и музыдохнут, сданы не тому.

Но ничего.
Их снова стайку выведут
и выдадут добро...
Но есть момент,
останусь ли способен я на выверты
ума, трёп пережив.
Уйду в дольмен.

Для человека жутко одиночество.

Но в комфортабельном дольмене, посреди
могучей тишины быть – очень хочется...

Там нет тебя.

И значит – не один.

Атипичность

Атипичной жертвой конформизма,
соглашаюсь... но преобразуя.

Приспосабливаемость – не призрак.

М-да.

И я боюсь – на амбразуру,

и, как все, люблюсь новым маем,

и, как все, корячусь на работе...

зная, что не прав, не понимая

в чём. Как шпрота в куче шпротин.

Явно же кому-то на закуску!

Всё равно кому.

Ведь нет снаружи

ни свободы ни дорог.

Искусство —

их найти в себе.

Весна на ужин.

И разжёвывая апатично

свежий май, бессмысленный, невкусный,

нас разложат в бутербродах густо...

но я побрыкаюсь атипично.

Бракованные

Господа, взвесьте мая мне фунтов
эдак – ух (!), очень хочется радости,
монпансье,
неба,
радуг,
нестарости...
(Ну банальщина, чёрт бы взял (тьфу ты!)).

Дамы, где прикупить комплиментов?
все запасы апреля закончились,
я б оформил в кредит, ведь заочные
вы не любите слишком заметно.

Други, да ерунда! То не стоит
ничего, что досталось не дорого.
В мае небо гигантское, строгое,
как на свадьбе за здравицу тосты.

Бог, ты, верно, творить начал в мае
мир! Да нас всех, культяпых, ноябрьских,
Ты обтяпал, как курицу ястребы,
нихера в вёснах не понимая.

Люди, думаете, цвет сирени
был придуман для нас?

Ну так вспомните:
брака больше в конце.
Грустно в комнате
квазимодным, сиреневым, прею.

От удара током

Небо сияет несдержанно,
как добротой – люди добрые.
Что ж мне досталась нездешняя
злость, как подкова – подобранной?

Проводом не обесточенным
бьёт злость по каждому из каждого,
повод в сомнениях корчится:
добрые?..
А может – кажется?

Ведь, не смотря на сияние
(как мёд с добавкою дёгтевой),
доброе – штука не неясная,
злая, с кровавыми когтями...

Правилами безопасности
при обращении с вёснами
пренебрегу, и пизанскую
башней склонюсь людям, сверстанным

в крупные противоречия,
кажущиеся мне мелкими...
лучше помру я доверчивым,
чем жить неверой-калекою.

Дальше, дальше...

В будущее мы всегда идём со рвением,
пусть под градами проблем, и даже – крадучись,
и хотелось бы ведь умереть от времени,
и – красиво, как умеет в реку – радуга.

Отчего же происходит настоящее,
«неизвестно-сколько-миллиардным», бедствие (?),
и не по заслугам достаётся счастьеще,
и не по победам убивают следствия.

Очевидно, поиск большей справедливости —
это способ уничтожить наименьшую.

Даже здесь естественный отбор...

Пролистывай

философствования, как бедных – женщина.

Впервые в последний

Ты теребила мой заянтаревший ум,
как дальним светом, разбудить пытаешься в ближнем
активный взгляд на мелочи да мишуру...

но я не спал.

И, может быть, впервые в жизни.

Как всякий деятельный в ерунде лентяй,
воспринимал вселенную – сверхсложной.

Но надо мною в лето журавли летят...

ведь я не жил.

И, может быть, впервые ожил.

А по округе выщарапывал апрель
свой невозможно романтичный катехизис.

Ты говорила, – я обязан подобрать...

но я не знал.

И, может, опровергну тезис.

Когда со светом происходит перебор,
то он перестаёт светить и тупо слепит.

Кричишь, ты – солнышко моё, твоё ребро...

но я – не я.

Пусть, может быть, не прав в последнем.

Автоясли

У нас по тридцать первым марта – снег,
как будто бы апрель не состоялся.
Всё так же в шубах водят деток в ясли,
рассказывая сказки о весне.

В машинном море, словно серфингист,
скольжу по гребню яростных эмоций.
Когда от пустоты внутри сожмётся
иной раз, наложу на душу гипс,
ведь снег в «почти апреле» не похож
сам на себя, скорее уж – на пепел
от ядерной зимы.
Любовный лепет
сюда не вхож.

Мы чересчур зависимые от
благоприятных внешних обстоятельств...
когда их нет, себя и водим в ясли
и врем себе же: «Потерпи, – вот-вот».

01.04.13

Людам – богово

*«Маленькая девочка,
живущая во мне...»*

А. К.

На ладошке трогательно поместилась вся,
часто улетающая в небо и в Тибет,
ласково-доверчивая, в голос голоса,
маленькая девочка, живущая в тебе.

Пожалеть, как бабочку, погладить, отпустить —
сделаю единственное верное...

Нажим

на неё карается – не вымолить «прости»,
ведь она не мне... и не себе принадлежит.

Формы света и глубины

Мне казалось – глубокая ночь,
тишина и темно потому что,
ковш Медведицы по черенок
залил мир фиолетовым пуншем...
но по самому краешку сна
понимание вдруг протопталось,
что ночь только тогда и вкусна,
если жизни на сон не осталось.

Темнота – форма света, а свет —
не отсутствие тьмы.

Как рентгеном,
вижу разумом области сфер,
недоступных днём.
Ночь – реагентом,
мысли – катализаторами.
И хохочет бессонница злая...
Глубину ночи не торопи,
даже если и дно показалось.

Парадоксы и бабочки

Потому что холодно, наверное,
и – четвёртый зимний месяц (мамочки!)
мне хотелось быть в июне фермером...
(а ещё там были бабочки),
мне хотелось в перечне возможностей
исключить его ограничения,
чтобы чаще выпадал шанс бонусный...
вчера – хватит.

Но пурга вечерняя
мне на подоконник присоседилась,
нагло воет о своём величии,
а сосед заправдашний пьёт, Всеволод
(честно говоря, в чём их отличия?..).

Каждый врёт о прошлом.
Я – о будущем,
хоть и нет мне прав в нём избирательных.
Бабочки, крылом огонь задующей,
не встречал в природе избивательной,

следовательно, природа правильно
нашими распорядится судьбами,
правда, не поймём... ведь правда вплавлена
в то, что было, а не в то, что сбудется.

В «было» стоит записать мне поводы,
а не только их детей – последствия:
в метрике рождения слов – холод и...
бабочки июля, пососедствовав.

Нога на педали

Дорога – серпантин,
мы каскадеры страстные.
Жизнь, как презерватив,
тонка и одноразова.

Жизнь – это покричать
с огромным удовольствием,
волною о причал,
пивною пеной «Хольстена»,
и первый поцелуй,
и тапочки последние,
и бой лицом к лицу,
и «как же мало сделано»,
и черти что ещё...

К чему я это, собственно?
Снег по стеклу течёт.
Гнать или нет?..
Упорствую.

Казус

А всё почему(?), – просто ветер сегодня,
а это не лучшее время для счастья
(но, впрочем, к примеру, любителю фронды
возможность летать выпадает не часто).

Шаги – результаты усилия воли,
а их результаты – движение. Ветер
здесь и не при чём.

Только всё-таки ловим...

точнее – используем.

Рухнувший сервер

любви восстанавливать я не умею,

и мучаюсь, не понимая – зачем мне

ползти на работу в толпе ноуменов¹

среди небоскрёбов, опор высоченных.

Однако иду.

И ломаю.

И строю.

Движение – всё, что лежит между пауз,

и ветер над всем...

Но об этом не стоит, —

¹ ноумен, «вещь в себе» – вещь как таковая («сама по себе»), существующая вне зависимости от нашего восприятия. По Канту она недоступна познанию. В данном случае – человек, как частный случай ноумена.

и смерть будет выглядеть глупо, как казус.

Жестянщики

Поутру во дворе странно рано
открывается в шесть
кузовщина,
и слесарится жесьть
аккуратно.
Лакокрасочная вкусовщина
подберёт, зашпаклюет «как было».

Не выдерживают с нами вещи,
подкапотные дохнут кобылы...
Зачастую и – с ними – «помещик».

Но помогут чумазные парни,
доктора и поэты железа,
автосервисные напарники
из знакомств не приятных – полезных.

Не выдерживает с нами время —
избавляется...
Резкий звук дрели
возвестил, что хозяина «мерина»
повезут послезавтра на рейлингах
(ты смотри-ка, не выдержал первым...).

А железо спокойно ошкуряют,

формы «вытянут» (путь не был прерван,
просто нет тормозов в нашей дури).

Не выдерживаем и мы сами,
обожая машины и скорость...

А ведь каждый день – это экзамен.

Взвизг металла в окне злобно-короток.

Майна

Голодно воеет, как скорая помощь,
ветер. Безмысленный – я, «а-ля овощ».
Властна над сущим зима.
Что-то пишу, но сумбурно и плохо —
холод, болею. В зрачках не сполохи —
мрачный кровавится Марс.
Старообрядчески тычу два пальца
вилки в розетку, чтоб кофе взорваться.
Словно проклятый алмаз,
террористически смотрит Венера.
Жизнь – это боль, это – током по нервам,
кто по другому – тот мразь...
Кофе остыл (время не принимает).
Странное свойство у времени – «майна» —
всем бы раздал задарма, —
не получается. Как в декадансе,
медленно, сложно, слова корчит в трансе.
Мыслей широкий замах,
как и положено у графоманов
и шизофреников, мутен, туманен
и бестолков, как намаз.
В море пространства молчу, недвижимый.
Крутятся элементали и джины
(ангелам не занимать
силы). Так что же они к нам пристали?

Вечность наверно быть вечной устала...

– Кофе налить?

– Я сама...

«... 47 мм осадков»

Снег вытряхиваю из-за шиворота
(благодать – гадость, если по щиколотку).
Из обоймы молитв оды выщелкнуты,
флаги вывешены, ведь пришли холода.

Люди вырядились внедорожниками,
но походка у всех остороженькая.
Тротуарами, в кашу створженными,
семянт по-вороньи художественно.

Зачерпнув белой дряни конечностями,
ветви поизгибались в «конечности»,
соглашаясь декабрь навечно стелить.
Мы не личностями стали – внешностями,

шепчем Богу слова святотаственные:
«То не благо, что – всем», и рвём дарственную,
и хотим, чтобы сами и царствовали...
Барство.
«Das ist fantastisch».
Пространство вины.

Пограничное состояние

Граница между «есть» и «нет»
есть не в «сейчас», но и не в «прежде».
В местах сложения теней
и судеб как мне быть, невежде?

В пересечении границ
нет смысла, если смысл не понят
пересечения.
Хранит
гранит победы запах пота.

Но сколько пролито его
на грани «не хочу» и «надо» —
Бог весть.

И не досталось льгот.
Мой ход.
Люблю не думать в нарды, —
игра.
Стук кубиков.
Их грань —
и есть граница между судеб.

На кухне не завёрнут кран...
«Аз есмь» – кап...кап...кап... «было» в «будет».

Моллюск-комбатант

Приключений различного качества
не ищу для своих ягодич,
но судьба продолжает дурачиться:
неприятностей тьма – я один.

Налетают ведь стаями, сволочи.
Бьюсь, как раньше с хазаром – Илья.
Доброта во мне жутко и зло ворчит
и шекспирит: «Не быть!», – как Вильям.

Я им дам, воронью.
Ух, покаркают!
И – «из пушки, да по воробьям»...

Средний возраст – пункт выдачи раковин
тем, кто выжил в боях.

22.11.12

БОГ

Да здравствуй, Великая Сеть!
Тебя создавала наука...
для мающихся дурью скуки
(всегда есть изъян в красоте).

Ты для одиноких не друг,
а способ всегда одиноким
остаться;
помощница многим,
привыкшим к уму и перу.

Системами координат
набит человек, но – чужими:
добро-зло, тьма-свет...
«Бог прижимист!» —
брюзжит скупердяй-сатана.

Его в твоих базах встречал:
на сайтах знакомства, в YouTube-е
(не важно ведь, что там под юбкой,
важнее о том не мечтать).

Создав нереальное «здесь»,
им губишь ты души реально.
За что нас тобой покарали?

За слабость.

Да здравствуй, бог-Сеть!

Неизвестный

У черёмухи пятничный запах,
опьяняющий, приторно-южный,
только здесь вам не девушки в сабо,
и по пятницам полгода выюжит,

только здесь не бывает май долгим,
непростительно он пролетает
быстро. А что за ним?

Будет холод.

Лето сварит, как сталь – пролетарий,
и черёмуху, и запах майский,
да и нас в невозможное что-то.

Интересно, а кто это в маске
наблюдает за майской щедротой?

Научите быть центром циклона —
сам спокоен и нужен, а кружит
всё (не нужно быть умным и дюжим,
если ты крошка в глазе циклопа),
научите быть первопричиной,
словно мост, важной, и незаметно
прочим незаменимой (мужчина
так снабжает потомков, – посмертно)...

Чуть сместился взгляд, и я не вижу
никого.

Только белый цвет польку
вытворяет. Суббота и иже
ожидается вскоре.

И только.

Ключники

Кто мы?

Да просто мастера
изготовления ключей
к чужой душе... но вот зачем?..
Здесь надо спирта двести грамм.

И даже с ними не понять
природы тяги к воровству.
Ноябрь прячется в листву,
а в душу – ключ. По рукоять.

Да. Он практически как нож,
и даже хуже – не убьёт.

Кто мы?

Участники боёв
за дверь.
За ней хлопки ладош.

«Пробка»

Под октябрь как мне кажется подходит Стинг –
легче в пробках утром под его нытьё ползти
(вообще в них очень бестолковая езда).

Знаете, а впрочем, октяблями так во всём:
ветер – листья, а нужда людей несёт, несёт
в место, где торопятся все опоздать.

Тротуарами прогуливающиеся
беззаботно голуби не бесят, а бесят.

Клён с размаху в лобовое врезал пятернёй,
попрощавшись, – дальше нам, увы, не по пути,
и кому-то стонет ветер, а кому-то Стинг
(в пробке никуда уже не повернёшь).

Не всегда, но иногда заметно: что зима,
и что лето – нам в потоке вечно прозябать.

Всей свободы – разве что на выбор: болтовня
или тишина. Выходит, что не зря Роден
поместил Мыслителя над Вратами². Шедевр –

² В незавершённой работе «Врата ада» над вратами Роден поместил «Мыслителя», универсальный вневременной образ поэта, философа и творца, физическая мощь которого воплощала мощь интеллектуальную. Изначально «Мыслитель» создавался, как портрет Данте – автора картин ада, из которых Роден черпал образы для своего произведения, и теперь наблюдавшего порождения собственно-

финиш пробки. И кого здесь обвинять?

Лунофоб

Засмотревшись на Венеру и Луну,
аж немного на работу опоздал.
Здесь метро, а там лишь абсолютный нуль,
там ничто.

А здесь встаёт звезда,
а, с другой, почти не важной, стороны
тучи в красном, словно сиськи у путан,)))
и людскими волнами вокруг штормит...

Космос пуст, но и земля полупуста.

На восходах, на закатах, по ночам
ищем, ищем в волнах что-то, – всё не то:
чья-то женщина, как правило, ничья,
чей-то муж, как правило, пустой.

А простой либидо, как простой машин,
производит пробки. То ли дело – вон,
у Венеры превосходность не морщит.

Шкертануться б на верёвке бельевой
за никчемную попытку «быть как все»!
Пусть бы сдохла.
Надоело «комильфо».
Но, «как все», я над душою, как Гобсек...

Пустота,
Венера,
лунофоб.

«Монетки»

Когда растворяюсь в восторге явлений
природы, мне ясно: стихи – грубый опус.
Фиксация чуда – изряднейший фокус.
И вроде стою, только колет колени.

Не фотографировать чувство.
Моменты
обычно случаются а не бывают.
Но памятник – есть...
Тишина гробовая.
К подножию Счастья я брошу монетку.

Бесцветный, останется в рамке на полке
кусочек бумажки нелепо-брутальный,
проталина памяти.
Чем бы ударил,
да слепит «монетка», как блик,
как иголка.

Наблюдалка

Существует помявшийся воздух,
как подушки спросонок.
В нём трясёт самолёт так, что сдохнуть,
как вагон без рессоры.

Существуют помятые мысли.
Тоже вроде не видны,
неприятные, как пальцам – слизи,
но трясут жизнь солидно.

Рифмопластырь

Не подружившись с новыми туфлями,
как ля минор тоскливый, фамиллярно
к ним обращаюсь на ходу.

Дожди, Москва, – деваться некуда.

Идти. Едва. Сомнений беркуты
клюют бессмысленностью дух.

И то ведь правда, – дома не сиделось
теперь вот мучайся. Да бог бы с телом,
душа в мозолях. Поспешать
мне поздно. Соли будто высыпал
на пятки. Раз поэт не выспался,
держись, сентябрь! Слова – в дуршлаг,

промыть под страстью, смазать кровью, рифмой,
и шварнуть вовремя на злость, вот – фирма!

И сразу легче... чуть. Асфальт.

Но ведь – лечу! По аналогии
живём: болит любовь с налогами...
плевать на тесный халифат!

В пределах свободы

«Лучше быть головой у мухи, чем...»

На верхней полке в состоянии небритости
легко теряются часы среди минут,
колёса будущее в километры мнут,
и не уснуть во всю ночную глубину,
хоть информация и лишена здесь битности.

Переворачивающееся сознание —
вот достопримечательности поездов.
Последний в мире книгочей от счастья сдох,
остались авторы и тонкий месяц-апостроф.
Ломать границы мира – тоже созидание.

Вот и ломаю. Темноту колю щетиною,
и эволюционная трещит спираль.
Окно гнёт неразборчивая пастораль,
ей тоже интересно, – вдруг найду Грааль
в междугородной ирреальности? Личинками

благообразнейше, во всю, сопят попутчики,
эпилептически мелькают огоньки...
И шепчет Невозможное: «Ну, ты прикинь!
Мир бесконечен, но в купе-то мы царьки, —
свободны». Как юлу, себя вовнутрь закручивать

в экстазе снами перегруженного разума —
сверхинтеллектуальная... фигня,
ведь царство чуть крупнее «пол коня».
Быть может, встать и – в коридор, чай гонять?..
Но там мы одинаковы, а в клетках – разные.

Эко

«Под крылом самолёта о чём-то...»

Родина, нарезанная на квадратики,
сверху вся использованной, в дырках, кажется
человеками, как свой хребет – ревматиком.
И тайгою впечатление не смажется:

море зелени давно уже в проплешинах,
не «о чём-то», не «поёт», а воет, просит жить.
Но, конечно, нам бы только всё потешное...

От потех потом обычно преют пролежни.

Левый берег

И не хотел я к вам попасть,
да как-то так уж получилось,
что здравствуйте, Ростов-папа!
Мной в вашем небе прострочило

и приземлило, шмякнув. А
пусть это ничего не значит
ни мне, тем более, ни вам?
Но... как знать, может, всё иначе?

.....

Придумано просто в Ростове:
два берега древнего Дона —
для двух видов жизни. Вот здорово:
правь – праведной, левый – кондомной.

Всё просто и ясно: там пашут,
а там после пахоты тратят
и деньги и жизнь на парашу.
Себя жгут, как в розжиг тетради.

Странные утренние встречи

У станции метро мужик
бензопилу мне предлагал...
– А что же ты не предложил
в комплекте самолёт, мангал,
другие нужные в метро
по понедельникам с утра
предметы?

Дамочка бедром
вильнула (для душевных травм?).
День начался: абсурд и секс.
Но обобщаю: так всегда!
«Не правда», – буркнул ангел-кекс
мне из-под мышки. Не гадать
и бабке – врѣшь.

В толпе плечом
его отгѣрли.
Кучки дур
просили подмигнуть, – «нич-чѣ».
Ну, ангел, ты ли не абсурд?!

.....

Мы шестерѣнки.

Механизм
огромный, непонятный, злой
вокруг...
Кто заманил
нас торговать бензопилой?

Да нет

Я прав. Но ведь и ты права.

А вместе – нет.

Часть правды Правдой убивать
легко: «К стене!»

Часть – щепка, целое – дубьё.

«Нет» больше «да».

А кто из нас кого добьёт
знать – есть нужда?

Доосень

Сегодня ночью стало слышно осень,
и дышится просторнее стократ
(её сезон привычно свежий носит
характер).

Звёздопад
собрав на оси,
уматывалась вздорная жара.

Умение молчать и прочий мусор
я, как кольцо без пары, сохранил.
Сентябрь молод, грозен, август грузен.

Со мной теперь опять убийца музыки,
ей нужно всё.
«Не-всё» – похоронить.

Зачем короткие, как шорты, ночи?
(Нет, не брюзжу, но, кажется, забыл,
был актуален смысл, сейчас – не очень.)

У точек и у стрел хозяин точен,
когда спокоен. Нож в момент резьбы.

Кручу кольцо.
Скрипучий пол дощатый

обрадовался вслух моим шагам:

вещам

достаточно лишь – быть – для счастья,

а нам – всё остальное (в небо чартер,

наличие убийцы и... шабаш?).

Антиатлант

Повернувшись спиной к песку,
запрокидывай голову
и лети в бездне неба, рискуй
потерять разум.

Кованы

облака, и в них падать – почти
как в асфальтобетонное,
как в записку в кармане, – прочти
и жизнь рухнет. Стон тоннами.

Скучен августовский волжский пляж,
но когда вверх ногами он,
то держать на плечах землю – блажь
для атланта в изгнании.

Человек – для всего нивелир,
бездны ждут измерения.

Осень-сказка – души ювелир...

Захотелось вареников.

Смысл сакральный в них тоже ведь есть.

Хруст волны целлофановый —
антураж.

Мир держать надоест, —
с силой левиафановой

брошу всё, как никто не бросал
(без «меня» ведь бессмысленно
всё на свете).

Не нужен Версаль,
если нет нас за высями.

Человек – просто точка... над всем.

Рулит ноль единицами,
ничего не решая.

На все
наплевать бы границы

и подошвами небо топтать
по белёсому августу
(пусть и карликовый, но – титан)
в осень шлёпая запросто.

На дорожку

Порвав со старым, как штаны в широком шаге,
меняю жизнь в очередной раз «навсегда»,
но в первый раз не страшно прогадать,
и ничего (включая и штаны) не жалко.

Ведь главное – во мне, а лучшие – со мною,
и труд процесса раздавания добра
(похоже, это всё, что стоит брать).

И вид ободранных и выцветших обоин
внушая ностальгию, память будоражит,
мол, хорошо здесь было.

Было...

Ну и что?!

Ведь будет лучше!

Комнаты без штор
гулки, как жуткий шаг у мавзолейной стражи.

«Мухи»

Мы люди.

Но с большой ли буквы?

«Звучит...» однажды кто-то бухнул,

но – как? И до смерти назойлив

вопрос, как в осень злая муха.

Стол, стул (исполнены в бамбуке),

веранда, я... – хозяин?

Ой ли...

Напротив дачи, дачи, дачи.

и озеро. Пейзаж удачен,

чего нельзя сказать о людях

по огородам в позах рачьих.

Потенциал на что потрачен?

Хотя... в нас – всё есть (олл-инклюзив).

Мух прогоню рукой лениво

движеньем в сторону налива

чего-нибудь, что достижимо.

Там – бесконечность, а здесь – сливы,

и жаворонок говорливый,

и...

в землю штык вошёл с нажимом.

Штык штыку рознь. Какой вошёл-то?

Мда. Человек, увы, не шёлков,
воюя повсеместно, даже
с собой... Поля безумно жёлты.
По «мухе» точкой точно щёлкну
всей пасторальностью пейзажа.

Главная бабочка

Никак всё на земле не «наживусь»,
хотя болтают иногда: «Достаточно»
(укол болезненный, молва-оса точна)...
А я... живу, кусая рыжий ус.

Различные природные финты,
как то: закаты, прочие величия,
и человеческое – за наличные:
вот первое!
А мелочи в-шестых.

Копеечное дело: лето, тапочки,
и вечер заказать на все мечты.
И – главное – вокруг, куда ни тычь...

Жить – это на ладошке бабочка.

Парнасская лимита (гипер)

Бездельничаю
(как бревно
в основе сруба).
Делами беличьими
всё равно
дни гроблю грубо.

Остаточное —
«надо бы
хотя бы строчку» —
болит.
Достаточно мне
лить воды,
беру отсрочку.

Запутается
в умном мысль,
рифмуясь сдуру.
На нитке пуговица,
толст и лыс...
а так — культурен.

Растрачивая
золотой
запас душевный,

зачем кустарничаю?..

Всё – не то...

всё – «не кошерно».

Излюбленное

слово «ждать»

не применимо

к бревну изрубленному.

В abordаж,

непримиримо.

А – дактилями —

суета

вокруг людского —

чушь и Создателя

лимита.

И бестолкова.

В скорлупе слепоты

Призванный
куриной слепотой.
Признаки:
мерещится не то,
что должно,
и в целом смазан мир.
Вот ужо
куриный Арамис!
Вместо лиц
и прочих чёткостей
цвет столицы,
стук сухих костей.
Но с другой —
прекрасной – стороны:
шарм кругом,
размытость. Баста нить!
Паста сна
на всём, вечерний флёр,
как весна
(точней, её дублёр).
Ремешок
поправлю скорлупы...
Хорошо
быть чуточку слепым.

На фаланге

Ты просила брюлик,
Боже, как же пошло!
Будущее любит
становиться прошлым.

Но не мы.
Ты знаешь,
прошлое – не камень.
На – твой.
Исчезаю
ветром под руками,
а тебе на память —
искра на фаланге...
Будущее – паперть
даже с кучей «Франклинов».

Идёшь – иди

Мы все живём в «практически достиг»,
в «ещё чуть-чуть».

Однако – не живые.

Что если умереть в одном «прости»,
при этом в прочих «хрен с ним» выжить?

Держась за «потому что», ни за что
не выплыть против «это не возможно».

Бульварю.

Люди с лицами святош
себя пытаются. И молчат истошно.

А в это время медленный июнь
внедрял, то ливень, то скамейки в парке
для тех, кто «хорошо-то как» поют...
Внесу и я в «жизнь – это трудно» правки.

Студент

Под огромными майскими липами
людям легче по кругу блуждается,
(не по парку ведь в самом-то!).

Хлипкие

оправдания сжав между пальцами
в виде листьев каких-то и тоненьких
неизвестных цветов, одураченным
я в толпе.

Завсегда это модненько —

божьем слыть (но не быть) одуванчиком.

Хороша нынче в мире иллюзия

что, мол, всё хорошо и приемлемо.

Наживусь аж до смертушки в зюю я.

Любим прятать ошибки под землю мы...

Для живых там места заповедные,
правда, корни – оттуда.

И возимся

с тем, что веником вырастет, веруя:

нет ошибок – «прошли», студиозусы.

На своих же ошибках взращённые,
изучаем (пытаемся) новые.

Бог потайственно ржёт и вощёную

заполняет дощечку кленовую,
где напротив любого есть клеточки.

Всё бы май да цветочки ботаникам.

В липе чья-то запуталась ленточка,
ниже – я, весь опутанный тайнами.

Алиби

Переплавлю время на недвижимость,
изогну в границы расстояния,
вырежу кружком помпезность «зиждется»
подложу под ножки, под рояльные,

сотворю ещё каких-то глупостей, —
нынче я Велик, а им не можетя,
ведь когда на них Бог сверху лупится,
тут же хочется соорудить рожицу.

Вероятно, это нам даровано
им самим, повеселиться, стало быть:
одному-то скуш-щ-шно (нет ведь вровень, но
жалобы – кому? Себе?!).
Я – алиби.

Фило – доктор

В московских двориках блуждает май,
черёмухам мелируя причёски.

Сознание работает нечётко
в сиреневый могучий аромат,

и бродишь, надышавшись, подшофе,
держа весну ладонями без кожи.

Ограничители любви сорвало, может,
раз видишь вместо женщин дивных фей.

Однако им назначено порхать.

А мне – смотреть, не высказав восторга,
вскрывая ход причин, как трупы в морге,
лечить последствия, их потроха.

Прوماхи

Голуби в лужах купаются,
тоже от мая в нокдауне.
Что же в душе море Баренцево,
доброе, как руки дауна?

Что же сквозь белое крошево
вишни, сирени, черёмухи
мне не пройти, замороженному?
В чём философии промахи?

Ведь всё по кругу и, вроде бы,
зелень и май – предсказуемы,
как под бретелькою родинка,
но...
не хватает сказуемых
«одноитожество» выразить.

Вот преимущество юности:
впрыскивая жизни сыворотку,
Бог не забыл и о лютости,
(штуке иной категории,
шутке над скучностью вечности) —
это когда надо «скоренько»,
точка победы. Не лечится...

Точка.

Что дальше?

Не важное.

Не понимал я – ты веришь мне? —
так старость обезображенную,
как понимаю – теперешним.

Повтор

Под дикое желание зайти
куда-нибудь и выпить благородного
реализую личный казантип
и накачаюсь рифмами и гонором.

Побольше заграбастав городских
красивостей к малюсенькому столику,
как в май гроза – романтику, затих,
пролив на скатерть стих, коньяк и столыники.

Потягивая у окна Мартель,
ловлю прохожие улыбки-стразинки...
А что такое, в сущности, поэт? —
ребёнок с нерастраченной фантазией.

Придумывая слово-креатив,
всё знаю – это детство корчит рожицы.
Не лгите – дважды в реку не войти,
кто ж запретил?! Кому там всё не можется?

Я это делал сотни...
Да и вы,
как дежавю, воспринимали детское
зелёное величие травы
когда май раздвигали занавесками.

Под Моцарта, БГ, джаз, Dire Straits,
под тишину – Мадонну всякой музыки —
как часто вы испытывали стресс,
целуясь в сумерках соседских кустиков?

Гарсон, спасибо.

Стих не удался,
хотя слова протанцевали балеринами,
но не легли.

И не сказать нельзя...:

Что значит «жизнь»? – повтор неповторимого.

Не-

Звонок казался очень чёрным
на фоне нервной тишины,
бордовый свет жёг в рассечённой
Вселенной мысль: «не прощены».

Одна из правд «не виноваты»
не объясняла ничего,
а Справедливость не сосватать,
она ничья.

Светло.

Черно.

На те же грабли

Приобретая форму окружающих
причин и следствий, трудностей, пространств,
душа, как лёд застыла.

Концентрат
синуц не оформляется в журавлице,
как ты их ни копи в стихи-глашатаи.

Подвижному – подвижное.

Зато
кристалл блестит, как будто золотой,
как будто голос, за меня решающий.

То возводя Столпы, то разрушая все
посредством таянья замёрзших форм,
достичь высот пытаюсь и реформ...
но снова застываю. Снова – хаосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.